

УДК 340.130:342:004

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-114-118

ЦИФРОВОЙ НОРМАТИВНЫЙ ПРАВОВОЙ АКТ: ПЕРЕХОД ОТ ТЕКСТА К ИНТЕРФЕЙСУ*канд. юрид. наук, доц. П.В. СОЛОВЬЁВ**(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2800-9405>

В статье исследуется цифровой нормативный правовой акт как возможное направление эволюции формы права в условиях цифровой трансформации общества. Цель работы – определить сущность цифрового нормативного правового акта и его место среди направлений цифровизации права. Раскрыт онтологический аспект перехода от понимания нормативного акта как статичного текста к его функционированию в виде интерактивной, адаптивной и динамической цифровой среды. Предложена типология форм цифрового нормативного правового акта: электронный структурированный акт, интерактивный акт, алгоритмический акт и машиноисполняемый акт. Обосновано применение риск-ориентированного подхода к внедрению каждой из форм в зависимости от степени их автономности и потенциального влияния на права граждан. Проанализирована трансформация классических требований юридической техники и выявлены новые вызовы. Особое внимание уделено конституционно-правовым рискам: деформации правовой определённости, алгоритмической предвзятости, дегуманизации права и подмене демократической легитимности технологическим управлением; предложены соответствующие правовые пределы.

Ключевые слова: *правотворчество, нормотворчество, цифровизация права, цифровой нормативный правовой акт, машиночитаемое право, машиноисполняемое право, правовая определённость, риск-ориентированный подход, юридическая техника, конституционные риски.*

Введение. Цифровая трансформация права представляет собой одно из наиболее значимых явлений современной юридической действительности. В 2023 г. в Республике Беларусь курс на цифровизацию нормотворчества законодательно закреплён в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»¹ через признание принципа цифровизации основным принципом нормотворческой деятельности. Необходимость внедрения передовых информационных технологий и осуществления цифровизации нормотворческой деятельности также обозначена в Концепции правовой политики (п. 41), утверждённой Указом Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 № 196². Цифровизация нормотворчества предусматривает широкое применение информационных технологий на всех стадиях нормотворческого процесса, в том числе за счёт развития электронного документооборота, максимального использования цифровых инструментов в процессе нормотворческой деятельности. При этом цифровизация нормотворческого процесса – это также изменение нормотворческих подходов к наполнению нормативных правовых актов (закрепление положений о цифровых субъектах правовых отношений, о цифровых правах и обязанностях личности, граждан, юридических лиц, государственных органов, о цифровом порядке реализации прав и обязанностей, о юридической ответственности и др.) [1, с. 188]. Следовательно, с позиций нормотворчества цифровизация меняет его процедурную и содержательную стороны. Как представляется, в условиях цифровизации права меняется и форма существования нормативного материала, т.е. оболочка, в которую облекается результат нормотворчества. В данном случае мы говорим о формировании концепции цифрового нормативного правового акта [2], которая знаменует переход от традиционного текстуального выражения правовых предписаний к их функционированию в виде интерактивных, адаптивных и динамических информационных систем.

В белорусской юридической науке динамично развиваются исследования в сфере цифровой трансформации нормотворчества. Это труды таких учёных, как М.С. Абламейко, Г.А. Василевич, А.Ф. Мательский, В.А. Шаршун, И.В. Шахновская, а также исследователей из Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь. Однако вопрос цифровой трансформации формы нормативного материала остаётся малоисследованным. Цель настоящей работы – определить сущность цифрового нормативного правового акта как одного из направлений цифровизации права, что предполагает решение следующих задач: во-первых, раскрыть онтологический аспект перехода нормативного правового акта от статичного текста к цифровой правовой среде; во-вторых, разработать типологию форм цифрового нормативного правового акта; в-третьих, выявить основные новации, которые эта концепция привносит в юридическую технику; в-четвертых, определить конституционно-правовые риски и установить допустимые пределы цифровизации нормативного правового акта как формы права. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специально-юридические методы. Главным образом, исследование строится на методе правового моделирования, который позволяет сконструировать теоретические модели цифрового нормативного правового акта и описать их свойства. Прогностический метод используется для оценки потенциальных рисков и вызовов, связанных с внедрением новых форм права. В работе также находят применение системный подход, что отражается в преломлении технологических аспектов цифрового нормативного правового акта на положения общей теории права и конституционной доктрины.

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130>.

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32300196>.

Основная часть. 1. Переход от статичного текста к интерактивной правовой среде. Классическое понимание нормативного правового акта неразрывно связано с его письменной формой. Право традиционно отождествляется с текстом, зафиксированным на материальном носителе и облечённым в установленную форму. Именно текст выступает эталоном, с которым субъекты права сверяют своё поведение, а правоприменители обосновывают решения. Эта парадигма выработала устойчивые требования юридической техники. К ним относятся ясность, обозримость, логичная структурированность и компактность изложения нормативных предписаний. Все эти требования служат единой цели – обеспечить доступность права для человека, который вынужден самостоятельно ориентироваться в массиве статичного текста.

Цифровой нормативный правовой акт меняет существенные характеристики правового документа, так как происходит переход от «текста» к «среде». Нормативный правовой акт перестаёт быть пассивным источником информации, он становится активным интерфейсом взаимодействия субъекта и правовой системы. В цифровой среде право не просто хранится в виде файла или размещается на правовом портале, оно начинает функционировать как программа, способная настраиваться под конкретного пользователя и отвечать на его целевые запросы. Этот переход изменяет непосредственно роль текста. В аналоговой модели текст – это одновременно и форма, и содержание. Человек должен прочитать, понять и мысленно применить норму к своей ситуации. В цифровой среде функция доступа и первичного применения передаётся поисково-аналитическому механизму. Текст сохраняет значение эталонного содержания, но его восприятие опосредуется интерфейсом, который способен генерировать ответы на запросы пользователя, в т.ч. визуализировать сложные правовые конструкции, детализировать алгоритм юридически значимых действий, необходимых для реализации конкретного правового интереса. Субъект права взаимодействует не с безмолвным документом, а с интерактивной справочно-правовой системой.

Онтологический сдвиг также проявляется в изменении временной характеристики правового предписания. Традиционный текст статичен, он фиксирует волю законодателя на момент принятия акта, а всякое последующее изменение требует новой нормотворческой процедуры и нового текста. Цифровой нормативный правовой акт потенциально динамичен, и его содержание может актуализироваться на основе объективных данных, поступающих из государственных информационных систем. Это не означает автоматического изменения текста «закона», но предполагает, что актуальное содержание нормы, адресованное субъекту, может собираться из множества источников и параметров в режиме реального времени. Такой переход от единого застывшего документа к распределённой актуализируемой информации и составляет суть онтологической трансформации. Например, цифровой нормативный правовой акт определяет для истца размер государственной пошлины; формирует для заявителя в административной процедуре перечень необходимых документов с учётом индивидуальной ситуации; определяет процессуальный срок и т.д.

Важно подчеркнуть, что среда не отменяет текст нормативного правового акта. Она надстраивается над ним и меняет режим его существования. Эталонный текст сохраняется как конституционная гарантия правовой определённости, но коммуникация между правом и его адресатом перемещается в цифровую оболочку. Эта оболочка способна снять с человека когнитивную нагрузку по поиску, систематизации и первичной оценке применимых норм. В этом заключается фундаментальное изменение роли нормативного правового акта в реализации права. Он превращается из пассивного свода правил в активный инструмент правовой навигации. Технологически цифровой нормативный правовой акт, представляет собой информационную систему, базирующуюся на технологиях искусственного интеллекта. Это позволяет экстраполировать на него ключевые доктринальные позиции о правовом регулировании искусственного интеллекта. Как подчёркивается в исследованиях, посвящённых этическим и правовым аспектам применения таких технологий, центральным элементом их применения должен стать риск-ориентированный подход [3, с.72], что мы рассмотрим далее через типологию цифрового нормативного правового акта.

2. Типология форм цифрового нормативного правового акта. Как представляется, цифровой нормативный правовой акт не является единой унифицированной формой. Он представляет собой определенный вектор эволюции, на котором можно выделить несколько качественно различных ступеней. Разработка типологии этих форм имеет важное теоретическое и практическое значение. Она позволяет дифференцировать технологические решения, оценивать степень их воздействия на правовую систему и устанавливать адекватные правовые требования.

Первую, начальную форму можно обозначить как электронный структурированный правовой акт. На этой стадии официальный текст «закона» существует в цифровом формате и снабжён развитой системой навигации. Ключевыми элементами выступают гипертекстовые перекрёстные ссылки, полнотекстовый поиск, автоматическое отображение действующей редакции с учётом всех внесённых изменений (контрольное состояние текста). Содержание остаётся традиционным и статичным. Однако доступ к нему качественно меняется. Субъект получает возможность быстро находить релевантные фрагменты и видеть системные связи между нормами. Уже на этом уровне многие классические требования юридической техники, касающиеся физической обозримости и компактности, теряют своё абсолютное значение. Навигация перекладывается с человека на машину. Примером практического воплощения элементов этой формы может служить различные справочно-правовые системы, например, информационно-поисковая система «Эталон-online», разработанная Национальным центром законодательства и правовой информации Республики Беларусь.

Второй формой выступает интерактивный нормативный правовой акт. К свойствам структурированного акта здесь добавляется способность интерфейса к диалогу с пользователем. Система не просто выдаёт текст по запросу, а генерирует ответы на целевые вопросы. Она способна детализировать алгоритм юридически значимых

действий для конкретной жизненной ситуации. Интерактивный акт также интегрирует в себя визуализацию права. Сложные процедуры, алгоритмы действий, системы прав и обязанностей представляются в виде инфографики, блок-схем, интерактивных сценариев. Это выполняет важнейшие когнитивные функции. Субъект не обязан обладать профессиональными юридическими знаниями для понимания общего порядка реализации своего права. Подобные сервисы могут реализовываться на базе справочно-правовых систем, в т.ч. через порталы правовой информации. Законодательное закрепление возможности дублирования текста акта его визуализированной интерактивной формой может стать следующим шагом в повышении доступности права.

Третья, высшая на сегодняшний день, форма – это алгоритмический нормативный правовой акт. Его сущностной новеллой является интеграция в правовую ткань алгоритмических норм, которые не являются статичным текстом, а определяются на основе исходных условий применения и объективных данных из верифицированных источников. Примеры таких норм уже сегодня существуют в праве. Размер государственной пошлины может автоматически определяться в зависимости от изменения базовой величины. Ставка налога может дифференцироваться на основе характеристик транспортного средства, содержащихся в государственной базе данных. Перечень документов, необходимых для административной процедуры, может корректироваться при изменении состава сведений, доступных через систему межведомственного электронного взаимодействия. Алгоритмический акт создаёт правовую среду, способную к оперативной самонастройке. Это знаменует переход от статичной модели права к динамической.

Возможной, но требующей крайне осторожного подхода перспективой является четвертая форма – машинночитаемый и, главным образом, машиноисполняемый нормативный правовой акт. Это модель, при которой правовые нормы изначально формулируются и публикуются в формате, структурированном для машинного чтения и автоматического применения; а в правовую систему внедрены системы искусственного интеллекта, которые автоматически исполняют такие нормы [4, с. 88–90]. Такая форма остаётся скорее футуристическим сценарием, требующим отдельного глубокого конституционно-правового осмысления.

Предложенная типология демонстрирует эволюцию не только технологий, но и самой философии права. На начальных стадиях цифровой инструментарий служит лишь более удобной оболочкой для традиционного текста. На высших стадиях форма начинает влиять на содержание, открывая возможности для ранее недоступных способов нормативного регулирования. При этом, как мы ранее отмечали, центральным элементом внедрения цифрового нормативного правового акта должен стать риск-ориентированный подход. В его основе лежит классификация систем по уровням риска: неприемлемый, высокий, ограниченный и минимальный. Применительно к разработанной нами типологии форм цифрового нормативного акта это означает прямую зависимость строгости предъявляемых требований от степени автономности акта и его потенциального влияния на права граждан. Так, электронный структурированный акт, выполняющий сугубо навигационные функции, создаёт минимальный риск. Интерактивный акт, генерирующий разъяснения, требует контроля за достоверностью выводов, что соответствует ограниченному риску. В свою очередь, алгоритмический акт, способный динамически изменять содержание правовых предписаний на основе данных информационных систем, должен быть отнесён к категории высокого риска. Для такого акта становятся обязательными строгие требования прозрачности, объяснимости и верифицируемости заложенных в него алгоритмов, а также обеспечение постоянного человеческого надзора. Наконец, машиноисполняемый акт, предполагающий автоматическое применение права без участия правоприменителя в сферах, затрагивающих конституционные права и свободы, может создавать неприемлемый риск (например, отправление правосудия по уголовным делам).

3. Трансформация юридической техники и новые вызовы. Появление цифрового нормативного правового акта в его различных формах влечёт за собой переосмысление ряда фундаментальных постулатов юридической техники и ставит перед правовой системой новые вызовы.

Первое значимое изменение касается традиционных требований к форме акта. Классические постулаты о ясности, обозримости и компактности изложения, а также логичной структурированности разрабатывались для восприятия человеком. Их функциональное назначение состояло в том, чтобы обеспечить доступность, систематизированность права, простоту и быстроту поиска нужной нормы. В условиях интерактивной и алгоритмической среды эти функции в значительной степени переходят к интерфейсу. Субъекту не требуется вручную обозревать весь массив текста. Он взаимодействует с поисковым механизмом и диалоговой системой.

Это открывает возможность для создания беспрецедентно детализированных правовых актов. Цифровой нормативный правовой акт может содержать исчерпывающие предписания, регулирующие не только общие, но и многочисленные частные случаи. В него могут быть включены обширные перечни исключений и специальные процедуры. Опасения по поводу громоздкости и запутанности такого акта, справедливые для бумажной эпохи, в цифровой среде нивелируются. Пользователь не читает весь документ подряд. Алгоритм выдаёт ему релевантную именно для его ситуации норму. Таким образом, детализация правового регулирования и его простота для конечного адресата перестают быть противоречащими друг другу целями.

Вторым фундаментальным сдвигом является появление алгоритмических норм как элемента содержания акта. Этот процесс ставит проблему нормативной определённости. Классическая правовая норма существует как статичный императив. Субъект может заблаговременно ознакомиться с её текстом и предвидеть правовые последствия своих действий. Содержание алгоритмической нормы зависит от изменения данных информационных систем. Субъект зачастую не может с абсолютной достоверностью знать точное значение диспозиции до момента

её актуализации. Правовая норма из категорического веления, адресованного сознанию и воле человека, рискует трансформироваться в «черный ящик». Это подрывает один из краеугольных принципов правового государства – правовая определённость. Требования прозрачности алгоритмов и их верифицируемости становятся не техническими свойствами системы, а конституционно значимыми условиями легитимности акта.

Третьим вызовом является проблема аутентичности и сохранности цифровой правовой информации. В аналоговую эпоху официальный текст «закона» существовал в статичной, материальной форме, что позволяет однозначно определить его содержание на конкретный момент времени. Цифровой нормативный правовой акт, особенно функционирующий как платформа, требует принципиально новых механизмов верификации. Как представляется, необходимо обеспечить, чтобы результат поискового запроса, выданный пользователю, полностью соответствовал официальному эталону. В этой связи разработка стандартов подтверждения подлинности, долгосрочной архивной сохранности цифровых нормативных массивов становится задачей первостепенной важности.

4. Конституционно-правовые риски и пределы цифровизации. Цифровой нормативный правовой акт – это не только возможность повысить эффективность права, но и ряд фундаментальных рисков для конституционного правопорядка. Определение этих рисков и установление правовых пределов цифровизации является необходимым условием сохранения гуманистической сущности права.

Первую группу составляют риски деформации онтологических свойств права. Внедрение динамических, алгоритмических норм способно привести к эрозии принципа правовой определённости, как уже было отмечено. К этому добавляется риск утраты системности права. Стремление к предельной детализации каждого частного случая средствами алгоритма может разрушить внутренние системные связи между общими и специальными нормами. Вместо стройной иерархической системы, основанной на принципах, право рискует превратиться в конгломерат ситуационных алгоритмических решений. Это затруднит формирование единой правовой доктрины и стабильной правоприменительной практики. Пределом здесь должно выступать чёткое законодательное определение сфер, в которых допустимо применение алгоритмических норм. Например, такие нормы могут применяться для расчёта: пошлин, сроков, перечней документов, привлечение к административной ответственности с формированием размера штрафа по формализованным составам. Применение алгоритмов для уголовно-правовой квалификации деяний, оценки субъективной стороны преступления или определения меры уголовного наказания должно быть исключено из допустимых сфер.

Вторую группу образуют риски углубления социального неравенства и дискриминации. Цифровой нормативный правовой акт предполагает, что субъект обладает доступом к сети Интернет, необходимыми цифровыми устройствами и навыками их использования. Безальтернативное внедрение исключительно цифровых форм доступа к праву и реализации прав через цифровые алгоритмы способны трансформировать формально-юридическое равенство в фактическое неравенство. Граждане, оказавшиеся по ту сторону «цифрового разрыва», исключаются из полноценной правовой жизни.

Более глубокая проблема – это риск «алгоритмической предвзятости» [5, с. 509]. Алгоритмы, даже добросовестно разработанные, могут наследовать скрытые дискриминационные паттерны из обучающих данных. Если системы искусственного интеллекта будут задействованы в процессах, прямо или косвенно определяющих объем прав и обязанностей субъектов, заложенные в них предубеждения способны привести к систематическому ущемлению прав целых социальных групп, причём это может происходить в скрытой, неподконтрольной традиционным антидискриминационным механизмам, форме. Пределом здесь должен выступать абсолютный запрет на принятие юридически значимых решений, затрагивающих права и свободы граждан, исключительно на основе автоматизированной обработки данных без участия человека. В этой связи важно обеспечить нормативное закрепление гарантий прозрачности, включая обязательную маркировку решений, принятых искусственным интеллектом [6, с. 595], и права на пересмотр человеком решений, принятых системой искусственного интеллекта [7, с. 162].

Третья группа рисков – это риск дегуманизации права и отчуждения гражданина от государства. Право является не только инструментом социального регулирования, но и формой выражения справедливости. Справедливость требует учёта уникальных обстоятельств, нравственной оценки и эмпатии. Замена правоприменителя алгоритмом в вопросах определения судьбы человека несёт угрозу утраты гуманистического содержания права. Физическое присутствие должностного лица или судьи, возможность личного взаимодействия с представителем государства выполняют важнейшие символические и психологические функции. Полная цифровизация способна вызвать у граждан чувство отчуждения от государства и недоверие к правовой системе. Пределом цифровизации здесь является правило: человек всегда в контуре правоприменения. Право гражданина на рассмотрение его дела физическим лицом, а не системой искусственного интеллекта, должно носить абсолютный характер в сферах, где решение связано с ограничением конституционных прав и свобод.

Четвертую группу составляют риски подмены демократической легитимности технологическим управлением. Цифровой нормативный правовой акт, интегрирующий предиктивную аналитику и большие данные, создаёт соблазн рассматривать статистические закономерности как объективную необходимость, требующую автоматического правового реагирования. Право может начать формироваться не как результат согласованной воли общества, а как продукт алгоритмического анализа данных. Это противоречит конституционной природе закона как акта высшей политической легитимности. Пределом здесь выступает требование о том, что решение о содержании правовых норм всегда остаётся за уполномоченным нормотворческим органом, действующим на основе демократических процедур. Цифровые инструменты на стадии прогнозирования и планирования могут играть лишь вспомогательную, консультативную роль.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Концепция цифрового нормативного правового акта представляет собой не просто технологическое усовершенствование формы права, а его качественную онтологическую трансформацию. Происходит переход от статичного текста к интерактивной, адаптивной и потенциально динамической правовой среде. Этот переход изменяет социальную роль акта, превращая его из пассивного свода правил в активный инструмент правовой навигации и коммуникации между государством и гражданином. Эволюционное развитие цифрового нормативного правового акта – это три основные ступени: электронный структурированный акт, интерактивный акт и алгоритмический акт. Каждая ступень характеризуется определенным набором технологических свойств и порождает различные по глубине последствия для правовой системы. Наибольшие перспективы в обозримом будущем связаны с развитием интерактивных и алгоритмических актов.

Основными рисками внедрения цифрового нормативного правового акта выступают деформация принципа правовой определённости, возникновение новых форм дискриминации, дегуманизация права и отчуждение граждан, а также подмена демократической легитимности технологическим детерминизмом. В качестве императивных пределов обоснованы: ограничение сферы применения алгоритмических норм, запрет на автоматизированное принятие решений без человеческого участия в делах, затрагивающих конституционные права, сохранение аналоговых альтернатив доступа к праву и безусловный приоритет воли законодателя над техническими выводами аналитических систем.

Цифровой нормативный правовой акт является инструментом повышения эффективности и доступности права. Однако его внедрение должно осуществляться не как самоцель, а как средство для более полной реализации принципов правового государства. Только взвешенный подход, сочетающий технологические инновации с неукоснительным соблюдением конституционных гарантий прав и свобод человека, позволит цифровому нормативному правовому акту занять достойное место в правовой системе будущего, не разрушая её фундаментальных устоев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев П.В. Принципы нормотворчества: конституционно-правовое закрепление и реализация в Республике Беларусь. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2025. – 256 с.
2. Соловьёв П.В. Цифровой нормативный правовой акт как направление развития правотворческой и правоприменительной деятельности // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.) / Нац. центр прав. информации Респ. Беларусь; под общ. ред. А.Ф. Мательского. – Минск: НЦПИ, 2021. – С. 356–360.
3. Абрамейко М.С. Этические и правовые аспекты применения технологий искусственного интеллекта с учетом международного опыта // Право.by. – 2023. – № 5(85). – С. 66–74.
4. Шаршун В.А. Машиночитаемое законодательство: понятие, специфика, перспективы развития // Право.by. – 2022. – № 1(75). – С. 88–94.
5. Харитонов Ю.С. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 53. – С. 488–515.
6. Виноградов В.А. Intellectus ex machina: видимость, потенциальная правосубъектность, ответственность за действия и решения искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2025. – № 3. – С. 588–607.
7. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учеб. пособие. – 3-е изд., обнов. и доп. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2025. – 321 с.

Поступила 15.05.2026

DIGITAL LEGAL ACT: TRANSITION FROM TEXT TO INTERFACE

P. SOLOVJOV

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article examines the digital legal act as a natural stage in the evolution of legal forms in the context of the digital transformation of society. The objective of the work is to define the essence of the digital legal act and its place among the areas of legal digitalization. The ontological aspect of the transition from understanding a legal act as a static text to its functioning as an interactive, adaptive and dynamic digital environment is revealed. A typology of forms of digital legal acts is proposed: an electronic structured act, an interactive act, an algorithmic act and a machine-executable act. The application of a risk-oriented approach to the implementation of each of the forms is substantiated, depending on the degree of their autonomy and potential impact on the rights of citizens. The transformation of the classical requirements of legal technique is analyzed, and new challenges are identified. Particular attention is paid to constitutional and legal risks: deformation of legal certainty, algorithmic bias, dehumanization of law and the substitution of democratic legitimacy with technological management; the corresponding legal limits are proposed.

Keywords: lawmaking, digitalization of law, digital legal acts, machine-readable law, machine-executable law, legal certainty, risk-based approach, legal technique, constitutional risks.